

ПОСЛЕДНИЕ ДНЕВНИКИ И ЗАПИСИ ЛОРЕНЦО "ОРСО" ОРСЕТТИ

ШАХИД ТЕКОШЕР ПИЛИНГ

Примечание:

В этой публикации используется понятие «шахид» (курм. şehîd).

Важно пояснить, какое значение это слово имеет на территории северо-восточной Сирии. Шахид как понятие в целом распространено в Курдистане и других регионах т. н. Ближнего Востока. Оно имеет как религиозное, так и нерелигиозное, политическое, значение — те, кто погибают за свою веру, или же за свои убеждения, соответственно.

Шахид в контексте этой революции — это человек, отдавший свою жизнь в борьбе за свободу.

ПРЕДИСЛОВИЕ

18 марта 2019 года наш товарищ Текошер Пилинг пал в бою в Аль-Багуз Фаукани, в районе Дейр-Эз-Зор.

Он был отличным другом для всех нас и невероятно храбрым бойцом. От Африна до Дейр-эз-Зора - он всегда покидал поле боя последним.

Все мы несём в себе наследие борьбы прошлых времён. Осознание нашей связи с историей и павшими товарищ:ками даёт нам силы и в настоящие дни.

Шахид Текошер всегда будет напоминать нам о погибших товарищ:ках, красоте борьбы и цене защиты свободы. Скорбя, мы в то же время чтим и ценим вклад Лоренцо и нашу общую борьбу.

Наши павшие товарищ:ки всегда направляют нас на этом пути.

Именно память о них служит нам маяком. В самый тёмный час, когда всё кажется мрачным, мы думаем о вас, павшие товарищ:ки, и это поддерживает наш боевой дух, давая нам силы продолжать.

- Têkoşîna Anarşîst (Анархистская борьба)

Афринские записи

Бадина, февраль 2018 г.

Мы снова в пути.

Зимний холод ослабевает, и холмы украшаются цветами.

Жёлтые и фиолетовые полосы проходят через ряды оливковых деревьев, придавая провинции Африн сказочный вид. Небо чистое и я спокоен: что бы меня ни ждало, я готов.

Деревня, в которой мы находимся, расположена примерно в десяти километрах от фронта, население всё ещё находится в своих домах, и в нашем доме нас будет около десятка. Несмотря на большое количество мирных жителей и несмотря на тот факт, что мы были там проездом, у турков вообще не было проблем с тем, чтобы бомбить нас из миномётов всю ночь. На следующий день мы помогали выжившим собрать свои вещи и уехать. Одни уедут далеко от Африна, другие – в чуть более отдаленную деревню. Многие – пожилые люди; им приходится покидать свои дома, где они провели всю свою жизнь, свой скот, свой маленький клочок земли. Некоторые плачут. Мы остаемся здесь, ожидая указаний.

За нами постоянно следят дроны, мы часто меняем дома и только тогда передвигаемся. Перед нами, у

подножия двух больших холмов, расположился город Бадина. Фронт продвинулся на пять километров за ночь, и Сирийская Свободная Армия (ССА) захватила группу домов, расположенных прямо у города. Здесь идёт перестрелка: звучат пулемёты и миномёты, не останавливаясь ни на минуту. Когда темнеет, холм сияет, и в этом сиянии огней и взрывов трудно даже заснуть. Они продолжают час за часом, день за днём. Я говорю своему командиру, что хочу туда поехать. “Я тоже!” – отвечает он, смеясь. Он вернётся через несколько часов с разочарованным лицом и скажет, что район находится под другим командованием, и ничего с этим не поделает. Ему придётся остаться в деревне, чтобы организовать остальных бойцов, а я и другие товарищи пойдём на разведку.

Мы поднимаемся на одну из двух гор над Бадиной, мы на вражеской территории и нам необходимо соблюдать осторожность. Густой туман полностью окутывает нас, не могу сказать, хорошо это или плохо, мы ничего не видим вообще. К счастью для нас, кажется, в этом районе нет никаких следов солдат, поэтому мы решаем рискнуть и добраться до вершины на самой передовой. Мы находим точку, которая идеально подходит для того,

чтобы задержаться на некоторое время: город находится на двести метров ниже, нас прикрывают большие валуны, а в скале виднелась пещера, предоставляющая нам естественное укрытие от слежки дронов.

Тем временем мы продолжаем сражаться в Бадине. Не проходит и часа без перестрелки, только её интенсивность время от времени возрастает.

Утром пара истребителей наносит около десятка авиаударов по городу, днём тяжёлая артиллерия разрушает какой-нибудь дом, ночью вертолёт обстреливает и так далее...

Мы с партнёром недоумеваем: как им удастся выжить под натиском такой огневой мощи? Каждый раз, когда мы смотрим друг на друга, как бы говоря: "Да ладно, не может быть, пошли, они мертвы", - и вот, спустя несколько минут, всегда раздаётся ответный огонь товарищей. Что за невероятное сопротивление! Они продолжают в том же духе в течение двух недель, без колебаний.

Мы поднимаемся и спускаемся с горы почти каждый день, иногда за припасами, иногда потому, что те, кто идут с нами, не знают дороги. Команда обычно состоит из пяти-шести человек, но в тот раз нас было только трое. Я отдыхал в маленькой пещере, когда крики "Аллаху акбар, Аллаху акбар!" разбудили меня. После двадцати дней бомбардировок, джихадисты ССА входят в город. Они стреляют в воздух, некоторые пули

пролетают мимо. В основном они в центре города, но им было бы достаточно продвинуться на сотню метров к домам внизу, чтобы полностью отрезать дорогу. Я и мой партнёр-интернационалист считаем, что мы должны остаться, дожидаться, когда они выйдут, и атаковать, но командир группы, который с нами, думает иначе. Он очень молод и не хочет рисковать. Я пытаюсь спорить, но без толку, поэтому, нехотя, мы решаем уйти, пока дорога ещё открыта. Наверное, если бы мы напали, мы бы погибли, но угрызения совести за то, что мы этого не сделали, будут мучить нас ещё несколько дней. Но это не будет мучить молодого командира: он будет убит вечером того же дня ракетой с беспилотника. В смерти есть странная ирония. Вместе с ним погибнет ещё один наш товарищ, от них не будет найдено ни кусочка, их тела просто разнесло на тысячи частей. С беспилотниками никогда не знаешь: стоишь ты под какой-нибудь голый оливой, задержав дыхание и стараясь не делать ни малейшего движения, и просто спрашиваешь себя: "Увидел он меня или нет?". Сидишь там неподвижно и с каждой ракетой, которую они запускают, думаешь: "Ага, эта для меня". Что ещё тут поделать?

Давайте вернемся в деревню. Один из джихадистов в Бадине нашёл мобильный телефон одного из наших погибших товарищей и позвонил моему командиру, чтобы посмеяться

над ним. Он ответил, что с поддержкой турецких самолетов и беспилотников все храбрые, и что будь они мужчинами, они бы сражались, как мужчины. Он прав. В этом мире нужно больше таких людей, как он, и те, кто знал его, понимают, что это большая потеря. Однако, смерть в бою остаётся великой смертью, и я в какой-то степени рад за него.

Мы уставшие и грязные, а группа, которая должна была нас сменить, прибыла с опозданием. На войне всегда много неразберихи, это нормально, но наш командир считает, что целесообразнее держать нас на защите города, так что, как только прибывает другая группа, мы возвращаемся в Африн. Как только мы туда добираемся, первые миномётные удары начинают падать на крыши домов. Самолеты летят низко, потому что их рёв наводит ужас на население. И у них это хорошо получается. Город почти окружён, до его полного отрезания остаётся 2 километра. "Если YPG отступает, мы отступаем. В противном случае мы остаёмся здесь, если кто-то хочет уйти - сделайте это сейчас". Некоторые уходят, и я их не виню. Я говорю ему, что остаюсь, но с предчувствием смерти в сердце. Мы

мало что можем сделать сейчас, и быть убитым представлялось наиболее вероятным исходом. Отступить - это не в стиле YPG, и я готовлюсь к худшему.

Когда на следующий день пришло известие о том, что мы уезжаем, я чувствую искреннее облегчение. Необходимо достичь соглашения, чтобы сохранить единственную открытую дорогу и эвакуировать гражданских к сирийской границе. Я рад, что командование решило не приносить в жертву больше людей, когда в городе не осталось гражданских. Мы прекрасно знаем, как бы всё прошло: мы бы не сделали ни единого выстрела, они бы просто сравняли город с землей.

Здесь нет бесчестья, только сожаление, разочарование и гнев. Видеть такой прекрасный край, отданный в руки этих чудовищ! И безразличие, бездействие мира перед лицом всего этого - настоящий скандал. То, что такая страна-член НАТО, как Турция, вооружает и поддерживает банды джихадистов при полном безразличии, должны заставить нас задуматься.

На следующем Батаджлане, на следующей Рамбле, на следующей остановке я не пророню ни слезы.

Заметки о Дейр-эз-Зоре

Хаджин, ноябрь 2018 г.

Линия фронта находилась примерно в пятнадцати километрах от Хаджина. Наша позиция, как и другие, с каждой стороны была окружена земляными валами, а в центре находилось небольшое здание, состоящее всего из трёх комнат. Следующая позиция слева от нас находилась на расстоянии около 500 метров и была примерно такой же большой, как и наша. Справа от нас, примерно в 200 метрах, была поменьше. Новая линия траншей строилась слишком далеко от нашей позиции, поэтому мы не могли её оборонять. Слева базу занимало подразделение ассирийцев, справа – небольшая группа местных сил из Хасаке, входивших в состав нашей группы. На нашей точке находился отряд снайперов (но плохо оснащённый, так как у большинства из них не было прицела для винтовки), отряд подрывников (также без мин и взрывчатки) и отряд тяжёлого вооружения (1-2 внедорожника хамви, 1-2 ДШК, установленные на пикапах). Эти отряды были подвижными, часть их состава приходила и уходила, и в целом нас вряд ли хоть раз было больше пятнадцати человек. Мы обсуждали с командиром, чтобы нам дали хотя бы человека с

теповизионным прицелом, который, однако, учитывая густой туман, окутавший нас ночью, мало чем мог помочь.

Первые десять дней прошли относительно спокойно, но около семи часов утра 21-го числа мы увидели вражеские бронемшины, двигавшиеся к правой стороне нашей базы. Было две машины с турелями и одна большая, укрепленная с каждой стороны тяжелыми металлическими пластинами. Базу рядом они взяли очень легко; внутри было всего шесть человек: двое убиты, один взят в плен, а оставшиеся трое сумели выбраться из задней части здания и продолжали недостаточное, но упорное сопротивление.

Машины продолжали двигаться вдоль северной стороны; они двигались вперёд и назад, делая короткие остановки, пытаясь заставить нас тратить боеприпасы. Они использовали наши траншеи в качестве позиций для атаки на другие позиции. Время от времени они высаживали своих бойцов, всегда среди многочисленных сатиров. Мы пытались попасть в машину на расстоянии 200 м с помощью РПГ, и в паре случаев почти получилось; одна из наших противотанковых ракет разорвалась прямо у задней части бронемшины, но без серьёзных последствий.

Во время боя мы убили нескольких человек. Мы видели, как они носили тела и грузили их в кузов. В какой-то момент они, похоже, отступили; в приступе радости и ликования некоторые из наших бойцов вышли из-за сатира. Большая ошибка. Одна из двух машин появилась из-за дюны, открыла огонь и подбила одного из наших. Все побежали назад, ища укрытия за валом, но товарищ из отряда тяжелого вооружения пытался оттащить раненого. Мы уговаривали его вернуться, но безуспешно. Вскоре после этого одна из пуль попала в его лицо.

Боеприпасы стали подходить к концу, а столкновение всё не прекращалось. Многие из нас остались только с одной обоймой. Командир искал кого-нибудь, кто мог бы сесть в хамви и поехать за телами. Даже не задумываясь, я вызвался добровольцем и запрыгнул рядом с водителем. Машина делает широкий круг, пули разбиваются об уже потрескавшееся стекло. Как только мы достигаем двух тел, мы выходим и тащим их в багажник. Они продолжали стрелять по нам, но уже через тридцать секунд мы отправились обратно. Мы занесли тела на позицию ассирийцев, которая в тот момент меньше пострадала от нападения. Там у меня появилась возможность взять немного боеприпасов и пару ракет для своих товарищей.

Когда мы возвращаемся, они удивляются, увидев меня: в один из

наших хамви вскоре после нашего отъезда попала ракета, и они решили, что я погиб. После ещё одного часа столкновений силы ИГИЛ отступили, на этот раз по-настоящему.

Нам пришлось настаивать, но в конце концов нам принесли пару ящиков с боеприпасами. Многие бросились к ним, и через две минуты они уже закончились. Фират жалуется (справедливо) командиру, и через час привозят ещё один. База переполнена людьми, свежими силами, что нам и требовалось. Но после того, как мы сходили в палатку почистить оружие и вернулись, всё подкрепление ушло.

Нас стало ещё меньше, чем раньше, – около пятнадцати человек, и мы понимаем, что нам придётся провести эту ночь таким составом. Мы все уверены в предстоящей атаке: первая обычно бывает пробной, а плохая погода идеальна для второго наступления. Они вернуться, может быть, ночью, может быть, утром, но они вернуться.

Ночь мы провели в состоянии боевой готовности, не сомкнув глаз до рассвета. Мы успели отдохнуть всего пару часов, прежде чем услышали первые выстрелы. Звук доносился издалека: по всей линии фронта атаковали несколько других позиций. Как и накануне, бронированные машины укрылись за нашими окопами, но на этот раз их было гораздо больше, по крайней мере шесть или семь. Они держались на расстоянии и не выгружали своих бойцов. Через некоторое время их

машины отошли примерно на полтора километра назад, где заканчивается длинная полоса дюн. С этой позиции они выпустили несколько ракет. Это не РПГ и не ПТУР, но они всё равно падают в пределах нашего периметра с абсурдной для такого расстояния точностью. ДШК - единственное наше оружие, годящееся для ответа, но не очень эффективное, да и боеприпасы к нему были уже на исходе. У них не было такой проблемы: 4-5 мотоциклов сновали туда-сюда и снабжали их. Это продолжалось более часа. Мы попытались запросить авиаудар, но у товарища, который должен был сообщить координаты, возникли проблемы, и когда самолет наконец прилетел (с большим опозданием), его ракеты разорвались всего в нескольких сотнях метров от нас. Однако бронемашины больше не группировались в конце сатира, и они снова развернулись довольно близко от нас.

В отличие от предыдущего дня, все наши снаряды были выпущены слишком рано, и все они попали мимо цели. Как будто этого было мало, снаряд попал в ДШК, разнеся его на куски. В этот момент многие наши бойцы начали опасаться худшего: у нас больше не было РПГ и ДШК, а боеприпасы закончились. Бронемашина с боеприпасами для ИГИЛ была невероятно близко (укрывшись за одним из наших сатиров, примерно в пятидесяти

метрах от нас), а две другие приближались к нам с боков, пытаясь окружить нас. Несколько наших бойцов покинули свои позиции и побежали к хамви, прикрывавшему запасной выход. Они кричали, что мы должны уходить. Наша команда всё ещё оставалась на позициях, но нас было очень мало. Командир отряда понял, что в таких условиях мало что можно сделать, выступил по рации и приказал отходить. Мы успели вовремя запрыгнуть в кузова пикапов, которые уже уезжали. ИГИЛ атаковали нас, обстреливая из автоматов и РПГ, едва не попадая по нам. Мы проезжали мимо других машин из других позиций, которые тоже отступали, как и мы. ИГИЛ атаковали по всей линии фронта, и те немногие, кто остались сражаться до конца, были убиты или взяты в плен. Через два дня ИГИЛ выпустили пропагандистский ролик, в котором отрубленные головы нескольких товарищей выставлены в ряд, как трофеи.

Мы вернулись на нефтеперерабатывающий завод, где провели первую ночь. Мы встретились с командующим фронтом и рассказали ему свою версию событий. Он оказался отзывчивым и понимающим. Выслушав, он отпустил нас, посоветовав отдохнуть.

Вечером того же дня прибыла машина с двумя боевиками ИГИЛ, захваченными в ходе столкновений неподалёку. Один из них - тунисец,

другой - узбек; они вызвали нас, потому что один из них говорил по-английски, и у него была серьезная рана на спине. Они ничего не говорили, прикидывались дурачками, поэтому, поспорив с ними полчаса и наложив повязку, мы позволили им забрать их. Мы провели там ночь вместе с группой из Хасаке. На следующее утро мы увидели нескольких человек, возвращавшихся на базу после ночных столкновений. Линия фронта была прорвана, сказали нам. Мы берём оружие и боеприпасы и рассредотачиваемся по огромному периметру. Вскоре прибывают войска коалиции. У них есть всё: около двадцати единиц бронетехники, вертолеты и истребители. Через несколько часов нас вызвал командир, объяснив, что всё под контролем, что нас снимают с фронта, сменяя наше подразделение из Хасаке на другое. Мы хотели остаться, но не стали настаивать. На обратном пути я не мог не думать обо всех товарищах, которые погибли, а коалиция и пальцем не пошевелила, в то время как массовое развертывание подразделений для защиты нефтепровода явно говорило о том, что недостатка в силах в этом районе точно не было. Более того, все слухи о том, что с ИГИЛ теперь покончено, кажутся мне абсурдными как никогда. ИГИЛ всё ещё сильны, особенно в Хаджине; у них отличная логистика и опытные люди; не уничтожить их сейчас, когда есть

возможность, - это, на мой взгляд, бессмысленный и большой риск.

Сидя на заднем сиденье пикапа, эти и тысяча других мыслей проносятся в моей голове, прежде чем кусачий ночной ветер собьёт их своим морозом. Деревни, через которые мы проезжаем, хоть и находятся под нашим контролем, полны наших врагов; это видно по их презрительным взглядам, когда караван проезжает мимо. Когда эти звуки и цвета исчезнут, останется только обволакивающая тьма пустыни, и только она провожала нас домой.

Хаджин, декабрь 2018 г.

Мы подъезжаем к нефтепроводу, когда дневной свет уже меркнет. Местный командир сразу же узнаёт меня. Он, как всегда, дружелюбен, и как только рукопожатия и ритуальные приветствия закончены, он даёт нам краткое описание ситуации. Ситуация намного лучше, чем в прошлый раз: мы совсем рядом с Хаджином, на окраине города, оборона прочна, а различные позиции были расположены гораздо правильнее. Мы расположены в виде буквы "Z": две линии огибают город, а одна прикрывает со стороны. Нам сказали ни в коем случае не заходить на старую базу; после того короткого времени, что ИГИЛ занимали её, они оставили там оружие и боеприпасы

на видных местах как приманку. Через пару часов за нами приезжают две машины. Мы быстро собираемся, не успев даже поздороваться. Как только оказываемся на дороге, товарищ со стороны водителя поворачивается и говорит мне: "Я – Марван, Марван Сумасшедший." "Я – Текошер, и я тоже сумасшедший," – говорю я ему. Мы смеёмся. У него приятное лицо, но при этом он выглядит сурово. Он сражался в Кобане, и, похоже, он ничуть не устал от этой жизни. Я сразу же распознал этот тип: я уже видел много других бойцов, похожих на него. Неутомимые люди, способные выдержать несколько дней без сна, не чувствительные к жаре, холоду, страху. Мы едем долго, гораздо дольше, чем в прошлый раз. Когда мы добираемся, они приглашают нас выпить чаю внутри Дефендера (большой бронированный фургон с турелью). Чай хорош, командир тоже вроде хороший мужик. Он рассказал нам, что две ночи назад ИГИЛ атаковали эту позицию, но безуспешно, потеряв четырёх человек, два мотоцикла и оружие. Он также позаботился о том, чтобы показать нам все координаты этого места на планшете, а закончив, сообщил, что на эту ночь нас не ставят в дозор и что мы можем отправиться отдыхать в палатку, которая была приготовлена специально для нас. С первыми лучами рассвета мы завтракаем и получше

осматриваемся. Сразу видно, что лагерь отстроен заново: присутствие мусора, мышей и экскрементов значительно уменьшилось. Война может быть очень грязным местом. Я отправляюсь на самую высокую точку, в большое укрепление из мешков с песком, которое с другими товарищами мы будем называть "кораблем" из-за его необычной формы. Добравшись до места, я поражаюсь: Хаджин так близко, что кажется миражом! Я только собрался несколько мгновений понаблюдать за городом, как сзади подошел товарищ, прервав мое изумление. Его зовут Арас, и он – командир группы, которая занимает "корабль". Все они арабы, и никто не знает курдского языка, и я до сих пор не понимаю, как в основной массе жестов и несуществующих слов нам удавалось понимать друг друга. Очевидно, что стакан чая с большим количеством сахара в таких ситуациях просто необходим.

Дни летят незаметно, и, если не считать бесконечных ночных дозоров и типичной фронтовой нудятины, всё не так уж плохо. Один из участков нашего фронта быстро продвигается в город. Мы просим дать нам возможность сделать то же самое, но главное командование велит нам ждать. Однажды вечером со следующего пункта мы видим какие-то движения в дюнах, скорее всего, вражеская разведка. Товарищи решают устроить на них засаду.

Аль-Суса, январь 2019 г.

"Они уже ушли".

"Какого чёрта?!"

"Да-да, около часа назад".

На лицах моих компаньонов сразу же появляется гримаса тревоги.

"Нам конец".

"Да не-е-ет, вот увидишь, есть выход," - отвечаю я.

Силы из Хасаке уже покинули базу, и на площади остались четыре кота. Я узнаю Марвана "Сумасшедшего", идущего с командиром. Мы прозвали это "картинной прогулкой", это очень распространенная практика: брать друг друга под руку и, слегка изогнув спину, ходить туда-сюда по одной и той же дорожке. Таким образом ходили заключённые в тюрьме много лет назад, и теперь это просто дань традиции. Я вижу, что они заметили меня, поэтому собираюсь попрощаться с ними.

"Нет проблем! Наш Дефендер в ремонте, и завтра он должен догнать группу. А до тех пор - вы мои гости".

Обычно в Рожаве "завтра" – это никогда не завтра на самом деле, но я все равно не против: в последнее время у меня были проблемы со здоровьем, и пара дней отдыха, тепла и хорошей еды (на базе в Хасаке можно очень хорошо поесть, потому что для большого количества людей требуется привозить гражданских поваров из города) мне не навредит. Спустя почти три дня мы, наконец-то, выезжаем и, добравшись до

привычного нефтепровода, меняем машину. Ветхий логистический фургончик едет по непроходимой дороге, трясая нас на каждом ухабе. Из динамиков доносятся резкие повторяющиеся звуки, характерные для арабской музыки. Мы движемся по прямой, без малейшего намека на поворот, пока дорога не исчезает, и ничего не остается, кроме бледно-жёлтого песка пустыни, который контрастирует с кристально чистым небом. Я узнаю некоторые базы, мимо которых мы уже проезжали, и вот, наконец, на горизонте силуэт города Хаджин. Немного странно пересекать его вот так, без всяких проблем. За него было много боёв, и многие товарищи погибли в них. Город превратился в руины; пробоины в дороге, сделанные ранее, кажутся пустяком по сравнению с воронками метров в пятнадцать, оставленными авиаударами. Я уже был в Ракке сразу после её освобождения, и уже привык видеть кое-какие разрушения, но здесь мы просто на другом уровне. Это как оказаться внутри "Герники", картины Пикассо. Или в игре "Тетрис", закончившейся неудачно. Некоторые мирные жители пригородов, не обращая внимания на неразорвавшиеся мины, уже начинают возвращаться в свои дома, но большая часть города закрыта контрольно-пропускными пунктами асаиш (полиции). Мы приезжаем в заброшенный отель, где находится что-то вроде главного командного

пункта. Битва за контроль над Аль-Сусой уже началась. Они говорят нам, что будут ждать ночи, прежде чем начинать новую волну. Некоторые товарищи из подразделения тяжёлого вооружения настаивают, чтобы мы остались с ними, но крупнокалиберное оружие требует определенного расстояния для работы, и мы отказываемся, так как предпочитаем быть прямо на линии фронта.

Когда наступает ночь, мы уезжаем. Мы теснимся по двенадцать человек в хамви, и после нескольких часов ожидания (пока большой бульдозер очистит главную дорогу от СВУ), мы вступаем в бой. Нет времени на подготовку, мы сразу же идём в бой. Соблюдая осторожность, мы берём под контроль крышу здания примерно в центре города. Между тем, уже светает. Вокруг раздаются звуки войны, которые ни с чем не спутать. Мы разбросаны, как пятна леопарда, по разным районам Аль-Сусы.

В ста метрах от нас я замечаю два силуэта. Самый высокий одет в длинное деревенское пальто, но они стоят лицом в ту же сторону, что и мы. Это лёгкий выстрел, но я не хочу попасть в кого-нибудь из наших людей, которые, возможно, из-за холода надели первую попавшуюся куртку. Я прошу командира группы, который связывается по рации с некоторыми из своих товарищей, но

когда нам дают зелёный свет, они уже очень далеко. Мы удаляемся, я вижу, как пули бьют в стену позади них, а затем они оба исчезают за углом. ИГИЛ уже давно не воюет в форме, стараясь, по возможности, смешаться с мирными жителями. Тем временем уже наступило утро, и мы продвигаемся к нескольким домам неподалёку. Мы сидим на корточках за бронемашинной, на пути к позиции, расположенной чуть дальше и занятой товарищами. Момент кажется довольно спокойным, и я решаю сделать снимок на мобильный телефон. Один из обитателей позиции стоит у входа. Это будет его последняя фотография: в тот момент, когда я нажимаю на кнопку фото, раздается выстрел снайпера, почти одновременно, как будто бы стрелял мой телефон. "У-о-о-о-о!" - срывается с моих губ восклицание, в то время как его тело безжизненно падает на землю. Товарищ ложится на багажник Хаммера, а мы пешком идем в укрытие за ним. На этот раз не я забираю тело погибшего, потому что собираюсь вести прицельный огонь по окнам, которые считаю идеальными укрытиями. У ИГИЛ есть опасные снайперы, и их очень трудно обнаружить. После того, как тело забрали и перенесли на пару домов назад, мы забираемся на возвышенность, пытаюсь понять, откуда стреляют. Мы также должны глядеть по сторонам, чтобы избежать окружения - ещё одной особенностью

ИГИЛ. Внезапно звук ракеты, запущенной с самолёта, рассекает воздух рядом с нашей позицией. Здание рядом с нашим буквально разлетается на куски. Огромные блоки железобетона на мгновение изящно парят в небе, явно насмехаясь над любым понятием гравитации. Я успеваю прикрыть голову руками, прежде чем по нашей позиции прилетает ракета. Большой камень ударяет меня в грудь, срывая пружину одного из магазинов, который в этот момент едва не попадает мне в лицо. Магазин хотя бы смягчает удар вместе с пуленепробиваемой пластиной, которую оставил мне Кава; я бы не умер, но, возможно, без неё я бы сломал несколько рёбер. Уже ничего не видно, пыль от взрыва напоминает песчаные бури. Я могу различить только силуэты товарищей, которые были со мной. "Вы в порядке?" - спрашиваю я их. "Всё в порядке," - говорят они.

Столкновения продолжают несколько дней. Мы находимся в здании, откуда открывается хороший вид. У нас нескончаемый дозор, не менее шести часов в день, а иногда и девять. Большинство врагов погребено под зданием, снесённым авиаударами, но некоторые из них сдались. Немногие выжившие отступают в свою последнюю оставшуюся деревню. Они сжигают боеприпасы, которые не могут взять с собой; мы слышим, как они

потрескивают в ночи, как попкорн, в больших кострах, зажжённых в глубоких ямах. Не проходит и дня, чтобы кто-нибудь не наступил на мину. Для очистки каждого дома мы используем большие бомбы ручной работы, называемые "фитиль", похожие на небольшие мячи, обёрнутые в бумагу и замотанные скотчем, способные спровоцировать взрыв большинства устройств в комнате. Но иногда их бывает недостаточно, или они заканчиваются, и остаются неэффективными в открытом пространстве. Словом, такая прогулка не совсем полезна для здоровья. Однажды днём мы слышим звук небольшого двигателя. Товарищи с соседней крыши кричат и суетятся, указывая на точку в небе. Это дрон ИГИЛ. Конечно, он не сравнится ни с турецкими военными беспилотниками, ни с коалиционными, но всё же полезен тем, что обнаруживает многие наши позиции. Мы начинаем стрелять в воздух, как одержимые.

"Мы никогда в него не попадём," - думаю я про себя. Но вместо этого, когда он пролетает во второй раз над нашими головами, удачный выстрел сбивает его. Мы начинаем смеяться, прыгать и стрелять, чтобы отпраздновать это событие. Нет, мы никогда не будем армией профессионалов, но знаете что? В этом вся прелесть: так много эйфории, столько сердца и столько храбрости. Я не уверен, что это можно

Багуз, март 2019 г.

найти в рядах регулярных армий. Последние два дня мы бороздим просторы Аль-Марашиды, последней территории, официально контролируемой ИГИЛ, но каждый раз, когда кажется, что начинается атака, тут же приходит приказ об отмене. Тем временем, на смену прибыл новый батальон. Я не против: холодно, я устал и не мылся около двадцати дней; что касается Дейр-эз-Зора, то я считаю, что внёс свой вклад. В этом районе осталось мало врагов, большинство уже давно сбежали в Идлиб, Африн, или Турцию. Некоторым удалось смешаться с мирным населением. Я думаю о трудностях, которые у меня были, и о том, как этот долгий путь в Рожаву помог мне преодолеть их; но не так, как я сделал бы это дома, время от времени поднимая планку, а поставив на кон всё, и сметая все препятствия на пути. Когда мы возвращаемся на базу, я спокоен. Из окна машины видно, как отблески заката освещают верхушки пальм, а солнце медленно гаснет в холодных водах реки Евфрат.

Мы уходим в спешке, ведь в академии нас учили, что мы должны быть готовы ко всему в течение полутора минут. Я доверился "livemap", полагая, что Марашида - последний оставшийся город, но обнаружил, что закончится эта история именно в поселении под названием Багуз. Мы оказываемся в обычном штабе, рядом с заброшенной гостиницей в центре Хаджина. Мы едим и пьём с командирами, а они показывают нам достигнутый прогресс на планшете. Мы даже не успели закончить, как входит Марван: "Итак, мы уходим," - говорит он местному командиру. Я сразу же пользуюсь случаем: "Можно мне пойти с ними?" - спрашиваю я. Они обмениваются взглядами, затем Марван кивнул. "Вау! На этот раз всё прошло легко," - думаю я про себя. Иногда к иностранцам относятся с некоторой опекой, и зачастую попасть на передовую - настоящая проблема. Операция назначена на ночь следующего дня. Мы едем на машине, посещая различные позиции, организованные сразу на окраине Багуза. Мы делаем еще несколько рейсов, загружая и разгружая тонны боеприпасов, распределяя их поровну между различными группами. В день нападения мы вместе с несколькими другими группами оказываемся в большом дворе, укрытом между двумя домами. Я смотрю на наших товарищей: многие из них очень

молоды, только что из академии, некоторые арабские мальчики в масках и со странными чёлками, напоминающими субкультуру "эмо" несколько лет назад; ещё один в противогазе, а из-за спины у него выглядывает тесак. Есть определенная эстетика, которая нас объединяет, но на каждом из них надеты части разных униформ и платки самых разнообразных цветов. Мы выглядим как "армия Бранкалеоне" - мы прекрасны! В подразделении "отщепенцы" нет порядка и строгости, характерных для батальных картин, но эти ребята всё равно собираются сражаться против безжалостных, организованных и часто обученных на Западе людей, и при этом никто из них не проявляет ни малейшего признака страха. Боевой дух крепок: танцы, песни и гектолитры чая.

В сумерках мы все собираемся вместе, включая Хамви и ДШК, перед большой канавой, вырытой бульдозером. Всё за этой линией - территория ИГИЛ. Большой бронированный бульдозер едет впереди нас, наш водитель следует за ним, очень осторожно, чтобы не сбиться с пути, так как вся территория заминирована. У каждой группы домов мы останавливаемся и вытаскиваем фитили, чтобы очистить их от СВУ. Мы бросаем сотню таких бомб, а может, и больше, и почти все они что-нибудь взрывают (шум значительно громче,

когда, кроме фитиля, взрывается ещё какое-нибудь устройство). Так мы продвигаемся вперёд в течение нескольких часов, заняв больше половины города. В четыре часа утра ИГИЛ переходят в контратаку. Они нацелились на два самых изолированных дома, окружив их почти полностью. Я нахожусь примерно в двухстах метрах от них, мы слышим крики "Аллаху акбар!" и видим дым от множества запущенных ракет. Несколько пуль летят в нашу сторону. В какой-то момент мы видим, как от этих домов на полной скорости стартуют Хаммеры, и нам тоже приказывают отступить. Большинство людей набиваются в Хаммеры как попало, напоминая мне фотографии переполненных автобусов в Индии. Небольшой группе не достается места, и нам приходится добираться пешком.

Мы бежим в кромешной тьме, со всей тяжёлой экипировкой, со свистом пролетающих над головой пуль, стараясь держаться по следу бульдозера, потому что всё вокруг заминировано. Короче говоря, это не самая приятная ситуация. Я смотрю на парня рядом со мной, который шагает с рюкзаком, наполненным боеприпасами, весящим несколько десятков килограммов, и радуюсь за него. Он на несколько лет моложе меня. Мы снова собираемся все вместе спустя несколько улиц. У нас очень мало одеял, поэтому от холода

мы спим, сложившись друг на друга. Тем временем ИГИЛ отступили, и нам приходится идти и забирать тела погибших товарищей. Первого мы грузим без проблем, второй находится в менее удачном месте, и пока мы его подбираем, по нам начинают стрелять и запускают ракету. Водитель заводит двигатель; я нахожусь в багажнике, и моя нога застряла между двумя телами. Поскользнувшись, я теряю ботинок, и именно во время поисков в этом клубке я замечаю облако пара, выходящее из рта одного из них. "Эй, этот парень ещё дышит!" - говорю я его товарищу рядом со мной. Он жив, но уже не здесь. Я сомневаюсь, что он выкарабкается. Товарищи высаживают нас на одной из улиц и отправляются напрямиком в полевой госпиталь. Мы отвоевываем несколько зданий. Наша группа останавливается в тех двух, из которых нас выгнали ночью. Мы находимся на крыше, и в какой-то момент на нас начинают сыпаться пули. Я смотрю сквозь дыры в стене, которые мы проделали, чтобы защититься, но не могу понять, откуда в нас стреляют. Я спрашиваю у своего напарника, но он произносит слово на курдском, которого я не знаю; я спрашиваю снова, и он делает жест руками, как бы говоря "наклонно". Тогда я понимаю: там большой бункер, и, присмотревшись получше, я вижу, что там есть отверстия, как у нас. Что ж, направим огонь туда. Также достаем два РПГ и

будем стрелять по ним. Выстрелы из силовых ям прекращаются. В соседнем доме мы обнаружили вход в туннель, что объясняет, как накануне им удалось так внезапно появиться. За несколько дней мы возвращаем почти весь город. Осталась лишь небольшая полоска домов, зажатая между нами и Евфратом. От этого района нас отделяет лишь заросшее травой пространство без строений длиной около километра. Наши автоматы Калашникова бесполезны на таком расстоянии, но у нас есть несколько ПК и СВД Драгунова. По этому району не могут нанести авиаудары, потому что там находятся гражданские (батальон по другую сторону фронта освободил несколько езидских пленных, взятых в 2014 году). У ИГИЛ больше нет сил контратаковать; ночью они пробуют несколько попыток, но всегда только по паре человек, вероятно, чтобы заминировать дорогу. Мы каждый раз отбиваем их атаки. Их снайперы часто стреляют в нас, к счастью, безрезультатно. Однажды днем мы находимся на крыше, и Марван делает несколько выстрелов из Драгунова, когда мы видим один из их фургонов. Вдруг я вспоминаю, что в одном из их арсеналов мы нашли СКС: это старая советская винтовка, она стреляет теми же патронами, что и автомат Калашникова, но дальность выстрела - 1000-1200 метров. Я бегу за ним и заряжаю его горстью патронов, которые есть у меня в кармане, а сам ныряю вверх

по лестнице. Мы оба делаем дюжину выстрелов, целясь в водительское место. Я не знаю, повредили ли мы машину, ранили ли водителя или просто напугали его, но мы подбираемся ближе, потому что видим, как он выходит из машины и быстро убегает, оставляя грузовик на месте. Марван смеётся по радио, а двое товарищей стоят рядом со мной; я стою там, не отводя глаз, как вдруг стена рушится. Парень рядом со мной кричит: "Они подстрелили меня! Они подстрелили меня!". Я смотрю на дыру в стене. Бам! Еще одна дыра, на этот раз слева. Должно быть, им не понравилась выходка с фургоном, потому что они стреляют в нас из Загроса. Загрос - это крупнокалиберная винтовка, она сделана самостоятельно путем пересборки стволов пулеметов ДШК, стреляет теми же боеприпасами (пули длиной около десяти сантиметров, чтобы было понятно) и имеет дурную привычку (или хорошую, в зависимости от того, нажимаешь ли ты на курок или являешься мишенью) проходить сквозь стены, как ни в чем не бывало. Я хватаю СВД, и мы бежим к лестнице. Парень продолжает кричать, он теряет много крови. Лестница наполовину обрушилась, и чтобы спуститься, нужно проползти в треугольную щель. Я и арабский товарищ остались последними; это крупный мужчина с густой черной бородой, он носит изогнутый серебряный кинжал между

магазинов и части вражеской формы, и если бы я не знал наверняка, что он с нами, он мог бы вызвать тревогу; но у него глаза доброго человека, и он всегда был добр ко мне и другим товарищам. Он только просунул ноги в проём, как вдруг нащупывает свой карман и указывает на точку позади меня. "Бам!" - тем временем Загрос снова стреляет. Я смотрю, что он потерял, и замечаю посреди крыши внешний аккумулятор мобильного телефона. Когда я поворачиваюсь, чтобы взглянуть на него, мой мозг в течение миллисекунды разрабатывает самый разумный ответ из всех возможных: "Но в меня же попадёт!". Хорошо, это знак, что он всё ещё работает, но необъяснимым образом передает моему телу что-то ещё, что-то вроде "...ну и ладно." И я бегу с опущенной головой за его батареей, проклиная всех святых, которые приходят в голову в этот момент. Когда я передаю ему батарею, он горячо благодарит меня. Добрый человек в облики ИГИЛовца снова обрёл свою улыбку. Мы бежим на первый этаж, где парень продолжает кричать. Ничего серьёзного, скорее всего, у него осколок в руке, но кости и артерии целы. Мы оказываем ему помощь и увозим его на Хаммере.

Тем временем на позиции проходят дни. Мы хотели бы продвинуться вперёд, с оставшимися домами мы могли бы закончить работу за один-два дня, но приказы постоянно

сдерживают нас. Чтобы скоротать время, мы зачищаем все здания в округе. Мы находим всё, особенно много дронов и поясов со взрывчаткой. Товарищу Шами приходит в голову взорвать их, поэтому он собирает как можно больше и связывает их все вместе. Он взрывает их рядом с большим силосом, надеясь свалить его, но железобетон устоял, даже без одной из опор, на которых он держится. Шами всё ещё счастлив, пока на обратном пути не замечает нечто, что непоправимо меняет его настроение. Это безжизненное тело ребёнка, или то, что от него осталось. Ноги и одна рука были оторваны, осталась только грудь, маленькая обожженная кисть и череп, открытый, как скорлупа яйца. На трупе была розовая кофточка с фиолетовыми звездами; он был похож на сломанную куклу. Я уже видел трупы женщин и детей в Африне, погибших под турецкими бомбардировками, и товарищей, которых я знал и которые теперь пали, я даже не могу их сосчитать. Конечно, я не остаюсь равнодушным к смерти, но она уже не оказывает на меня такого воздействия, как в прошлом. Шами, напротив, злится, почти плачет, он не произносит ни слова за всю обратную дорогу. "Если бы это не была просто маленькая девочка," - повторяет он время от времени голосом, полным боли. На самом деле она ни в чём не виновата, единственное её несчастье - то, что

она родилась не в той семье. Обе сожженные машины были начинены взрывчаткой - признак того, что её отец или тот, кто ехал с ней, наверняка принадлежал к Исламскому государству. Ведь борьба ИГИЛ всегда была семейным делом: женщины вступают в разведку, взрывают себя и тоже запятнаны самыми страшными преступлениями; их дети, хоть и совсем маленькие, водят машины с бомбами и закладывают мины где попало; самых маленьких очень часто берут с собой на задания смертники. Никто не исключен, а граница между жертвой и палачом слаба и не всегда четка.

Тем временем на смену пришли другие группы. В деревне недалеко от Хаджина дети гоняются за нашими машинами. Я выбрасываю из окна всю еду и бутылки с водой, которые у нас есть; в ответ мы получаем широкие улыбки и крики радости. Но самый большой сюрприз ещё впереди: за эти дни прошло много дождей, и когда мы добрались до пустыни, я с трудом узнал её. Очень тонкий слой травы покрывает её всю, рисуя зелёный простор, который теряется на горизонте. Моим глазам предстал этот ярко окрашенный океан. Я смотрю на него поглощённо, недоверчиво, как будто нахожусь в присутствии чуда.

Последнее письмо

Чао, если вы читаете это сообщение, это значит, что меня больше нет в этом мире. Да ну, не грустите, у меня всё хорошо, я ни о чем не жалею, я умер, делая то, что считал правильным, защищая слабых и верный своим идеалам справедливости, равенства и свободы.

Так что, несмотря на мой преждевременный уход, моя жизнь удалась, и я почти уверен, что уходил с улыбкой на устах. Лучшего я и желать не мог.

Я желаю вам всего самого лучшего и надеюсь, что и вы однажды (если ещё не сделали этого) решите посвятить свою жизнь другим. Потому что только так можно изменить мир.

Только преодолев индивидуализм и эгоизм в каждом из нас, можно изменить мир.

Сейчас трудные времена, я знаю, но не смиряйтесь, не оставляйте надежду, никогда! Ни на минуту.

Даже если кажется, что всё потеряно, и всё плохое, что творится с людьми и с планетой, кажется невыносимым, продолжайте находить в себе силы и вдохновлять этим своих товарищей.

Именно в такие тёмные моменты ваш свет помогает. И всегда помните: "Каждая буря начинается с одной маленькой капли". Обязательно станьте этой каплей.

Я люблю вас всех и надеюсь, что вы дорожите этими словами.

Серкефтин!

*Орсо,
Текошер,
Лоренцо.*

GRANIE.

Y P G
★

**LORENZO
ORSETTI
ΑΘΑΝΑΤΟΣ**

ΠΑΡΑΣΚΕΥΗ 10/5, 7μμ
ΠΟΛΙΤΙΚΟ ΜΝΗΜΟΣΥΝΟ

ΚΑΘΕ ΚΑΤΑΓΓΙΔΑ
ΑΡΧΙΖΕΙ ΜΕ ΣΤΑΤΟΝΑ
ΕΙΝΕ ΑΥΤΗ Η ΣΤΑΤΟΝΑ

"EVERY STORM STARTS
WITH A SINGLE DROP
TRY TO BE THAT DROP"

Чтобы спасти

Смерть, боль и привязанность
в сочетании с серым осенним морозом.

Хотя это были отдельные элементы, сейчас они переплелись,
танцуя в одной большой опере. И у этого произведения было имя,
оно было когда-то живым мясом.

От того смеха, от тех бунтов осталась лишь горстка пепла,
чтобы смешаться со слезами, воспоминаниями.

Его переполняло небытие,
неся с собой разрозненные осколки той партии,
незаменимые фрагменты,
неотъемлемая часть нас.

Только этот холод, такой плотный, такой стойкий, оставался, чтобы измотать
наши души.

Кладбище,
чёрное дерево умирает,
дерево влажной земли,
и пыли, только пыли.

Ничего такого, что можно было бы затянуть,
ничего, что могло бы обогреть то небольшое, что осталось.

На самом небе видны серебряные слёзы,
И этот сильный ветер, казалось, лишал всякой надежды:
время для жизни уже не было,
была только осень,
под этим бесформенным небом.

День суда

Это было несомненное зло.
Чистое. Выдающееся.

Он стащил его с постели на рассвете, без промедления вырвав у него первые выстраданные причитания. В последнее время он сталкивался с другой болью, гораздо более тонкой, привязанной к его разуму; порочные кошмары застилали его мысли. Но у этого насилия была тысяча лиц и столько же оттенков: на этот раз его посетила физическая боль.

У него был постоянный ритм, он следовал своим ударам, он проникал под кожу. Пунктуальный, чистый, он испускал разряды, похожие на удары, которые полностью пересекали его, пронзая в нескольких местах.

Он затрепетал, как осенний лист, и, как таковой, умер.

Это была падаль, разбросанная по пустыне, и это, к несчастью для него, было время обеда кондора. Когда его расчленили, швыряли, переворачивали в этой бойне, его тело извивалось, не находя выхода.

Он считал часы, отделявшие его от конца - конца, которого он так жаждал, конца, который мог принести ему облегчение.

Он знал, что эта пытка скоро приведет его на путь безумцев.

Он не мог ни плакать, ни молиться, он мог только цепляться за эту боль. Его мозг был там, преследуя это зло. Он слился с ним, чтобы породить этот ад.

Зубной сказал, что ничего не может с этим поделать, десна слишком распухла. Нужно подождать много дней, прежде чем этот зуб мудрости перестанет его мучить. Он был в безопасности, или, возможно, так он себя обманывал.

O.O.

p.s. Накачайте себя
обезболивающими и, как только
сможете, удалите его.

Великий "бхо"

Он бродил по окрестностям, как старый призрак может бродить по проклятому дому. Выглядел он неважно, совсем неважно.

Хотя в то утро его разбудили несколько хороших идей, его выражение лица варьировалось от "унылой скуки" до "отталкивающего труп".

Он больше походил на наркомана, чем на писателя. Конечно, он был и тем, и другим, но в тот день преобладал первый аспект.

Он продолжал подносить к губам отсыревший табак, уже в четвертый раз, когда он это делал. Он либо поджигал его как можно скорее, либо продолжал делать это бесконечно долго. Он закурил. Возможно, это была ошибка, потому что тошнота сильно ударила его в живот. Чемпионский хук, Кассиус Клэй не сделал бы лучше. Когда он добрался до атриума, собака, которая шла с ним, начала прыгать от радости.

- Ты всегда хочешь жить, как собака,
- это была его слабая реакция.

Когда он произносил эти слова, то уже собирался привязать её к лестнице.

Он подошел к ней вплотную, но остался.

Вечеринка закончилась, и он это прекрасно понимал.

Потому что, когда наступает день, больше нет шлюх, которые за деньги могут отщепить кусочек одиночества, больше нет ничего, что скользит по сверкающей фольге или шипит в трубке.

Стакан просто остаётся пустым, и ты остаёшься пустым вместе с ним.

Ничего, что может оглушить тебя, ничего, что похоже на неизлечимую рану.

Свет гаснет, и этот чёртов урод закрывает свои двери, а ты остаешься там, распавшийся, захлопнутый, и уже надеешься на очередной раунд карусели.

По крайней мере, пока это длится, пока ты держишься, обманываешь себя, что всё должно идти именно так.

Разум кричит

В тот момент, в той жизни, и именно тогда беспокойство взяло верх над ним.

Оно стояло надо мной, торжествующе сокрушая меня.

Под таким чудовищем кончилась надежда, вывернутая вместе с душой, как выброшенная на берег рыба.

Эта штука, это чудовище, впивалось в мою грудь; его когтями открывалась дорога. Я не сразу понял, но этой дороге суждено было стать пропастью, подобно огромной пасти, которая широко раскрывается, заглатывая, смакуя, каждую редкую эмоцию. Это ужасное существо питалось мной, моей сущностью, блуждая каннибалом внутри меня, испражняясь лишь ненавистью.

Вырваться из этого существа казалось мне невозможным, теперь я был развращен этим злом, оно забралось в меня, оно владело мной: я был поражен до мозга костей.

Оно поглощало меня, разрывая мои ткани, от которых я безвозвратно отделялся.

Мороз перехода, в своем непримиримом спокойствии, хотел пленить меня. Каждое его движение было направлено на то, чтобы подавить меня, приковать к своему ужасу.

Боль, муки и страдания, которые я сам испытывал по отношению к себе,

заменяли мне органы, сердце и лёгкие.

Ни один ангел и пальцем бы не пошевелил, чтобы спасти меня от подавления.

Я был один, один лицом к лицу с этими издевательствами.

- Кто мог бы этого желать? - спрашивал я себя.

И я стал искать своего тюремщика, того безумного садиста, который когда-то подписал мне приговор.

Когда я увидел его, когда создатель этого отчаяния повернулся ко мне, я ужаснулся, я почувствовал отвращение.

Его лицо стремительно менялось и теперь принимало тысячу разных очертаний.

Я снова видел там женщин, которых когда-то любил, прошлых потерянных друзей, но во всех них я видел себя.

Его лицо смотрело на этот образ, и этот образ смотрел в мой кошмар.

Именно в такие дни разум меркнет, мечется между тем, чтобы потеряться и найти себя, но у кого есть выбор? И, прежде всего, есть ли выбор?

Разум кричит: "Я попрошу своего палача. Я попрошу своего палача уничтожить его."

Мы - плевков в океане приключений.

**LORENZO
ORSO**

**OGNI TEMPESTA COMINCIA
CON UNA SINGOLA GOCCIA**

